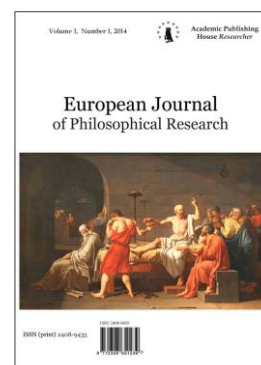

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2021. 8(1): 14-21

DOI: 10.13187/ejpr.2021.1.14
www.ejournal17.com

Philosophical Criticism of the Ideas of Transhumanism

Natalya N. Rostova^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the philosophical foundations of the key ideas of transhumanism. According to the author, transhumanism is based on a fundamental misconception that is found in the thesis about overcoming a human and expanding his abilities. As shown in the article, this thesis involves the use of a subject language to describe a human. Resorting to it, transhumanism deals with the non-human in human, which determines the whole variety of his private initiatives. The article proposes to identify three basic ideas that this diversity is reduced to, namely: the ideas of emotional isolation, increasing degrees of freedom and liberation of a person from the body. The study is conditionally divided into three parts, each of which is devoted to a detailed analysis of the designated ideas. Turning to the strategy of emotional isolation, the author comes to the conclusion that transhumanism claims to eliminate the possibilities of establishing direct emotional connections in our world, which are the basis of any action that we call human. The tools of such isolation are technologies, legislative acts, but, mainly, a change in the mode of our perception of ourselves, when we agree to outsource what is the essence of human. Analyzing the idea of increasing degrees of freedom put forward by transhumanism, the author shows that it is based on the rejection of the anthropological grounds by which a person keeps himself in consciousness. Exploring projects aimed at freeing a human from the limitations of the body, the author shows that they are based on a reductionist understanding of consciousness, thinking and communication. A human is reduced to algorithmized information.

Keywords: transhumanism, posthumanism, artificial intelligence, consciousness, thinking, emotion, passion, gender, freedom, human.

Человеческий вид, если захочет, может себя преодолеть, – так вслед за Джулианом Хаксли утверждают трансгуманисты. Человек есть нечто, что должно превзойти, – вторят Ницше постгуманисты. Но человек не может быть описан на языке предметности. Преодолеть можно физиологические параметры, относящиеся к миру наличного, но не то, что относится к антропологическому порядку существования. У сознания нет предела, ибо сознание – это не тело. Когда экзистенциализм говорит о том, что человек есть не то, что он есть, когда философия выдвигает идею человека как существа трансцендирующего, то речь идет о трансгрессиях метафизического характера, предполагающих онтологический горизонт, в котором разворачивается опыт этих трансгрессий, дарующих обретение человеком самого себя, собственной истины. Экзистировать можно к другому, трансцендировать – к Богу, трансгрессировать – в ничто. Логика этих трансгрессий не

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

предметная, но, напротив, антипредметная, указывающая на то, что человек не находится в ряду сущего, он – невозможное в этом мире, но не в том смысле, что его нет, а в том, что он имеет онтологически иной способ присутствия. Антропология в основе своей всегда есть негативная антропология, указывающая на необъективируемость человека, неприродный характер его самости. Говоря о преодолении человека, трансгуманисты на самом деле обращены к нечеловеческому в человеке, к его организму и изменению его параметров. Расширения возможностей, на которые они уповают, есть не что иное, как физиологические возможности и отчасти социальные, связанные с упразднением принятых в культуре иерархий. Несмотря на то, что это общее фундаментальное заблуждение трансгуманизма определяет характер его частных инициатив, на них стоит обратить пристальное внимание. Ибо трансгуманизм сегодня превращается в микрокультуру, пронизывающую нашу повседневность. Разнообразие трансгуманистических проектов зиждется на нескольких базовых идеях, на которых следует остановиться. Среди таковых можно выделить идеи эмоциональной изоляции, возрастания степеней свободы, освобождения от тела.

Эмоциональная изоляция

Человек был и есть прежде всего страсть. Ошибочно путать ее с витализмом. Если это и витализм, то такой, которого не знает природа. Страсть человека существует свободно и вопреки законам мира. «Все лучшее, что есть у Фрейда, можно найти уже у Платона, остальное – глупости», – говорит устами своего героя Сартр. Что лучшее у Фрейда? Энергия порыва. Что глупости? Низведение того, что греки называли Эросом, к инстинкту. Страсть – не инстинкт. Страсть – это внутреннее самовоспламенение, в котором нуждается всякое что человеческого мира. Человек распят между страстью и автоматизмом. При страсти он при себе. Поверяя себя автоматизму природы, а затем и социума, он безвременно умирает, неприродно исчезая. В кипении страсти рождаются цивилизации. Такую страсть называют пассионарностью. Но всякое человеческое действие вообще человечно лишь тогда, когда его источником является этот огонь. Нет ни одного человеческого движения, в котором не было бы искры этого порыва. Страсть – это не то, что противостоит разуму, но то, что его внутренне согревает, дает ему жизнь. Трактаты великих рационалистов – плод их страсти, не размениваемой на житейские мелочи. Равно страсть – это не то, что противостоит вере. Вера обрекает нас быть горячими, а не тепловатыми. Теплый в вере – мертвый в ней, равнодушный.

Что делает трансгуманизм? Остужает. Он превращает нас в тепловатых в своей человечности. Под трансгуманизмом мы здесь понимаем не только и не столько манифестации тех, кто от первого лица называет себя трансгуманистами, но любые действия, встраивающие нас сегодня в эту логику охлаждения.

Каким образом трансгуманизм нас охлаждает? Эмоционально изолируя. Упраздняя всякую возможность установления эмоциональных связей в нашем мире. Учреждая зону безразличия и отчуждения – прежде всего, от самих себя. Такие, казалось бы, различные проекты, как эко, ювенальная юстиция, интернет-сообщества, экологическая повестка дня, дистанционное образование и работа, фармакология счастья – меняют режим нашей эмоциональности.

Что делает ювенальная юстиция? Выдвигая идею защиты прав детей, она отнимает права у родителей, нарушая внутрисемейное пространство, которое, по сути своей, всегда интимно, то есть недоступно для глаз чужих. В семье появляется другой, тот, кто наблюдает, а не тот, кто любит, то есть смотрит извне, а не изнутри, имея при этом полномочия диктовать свою волю, нарушающую эмоциональные довербальные связи. Другой встраивает несоциальное в социальный порядок, рассчитывающим оком объективируя исконно внутреннее, не выворачиваемое вовне без того, чтобы не утратить собственной истины.

Под лозунгами репродуктивного равенства сегодня становятся возможны не только суррогатное материнство (хотя и не во всех странах) и экстракорпоральное оплодотворение, но набирает оборот развитие технологий по вынашиванию ребенка вне утробы матери. Так называемые биомешки, или искусственные матки, сулят передать проблему рождения детей на аутсорсинг. Биомешки – не то же, что инкубаторы, которые поддерживают жизнедеятельность плода, но идеальная среда для созревания ребенка, воспринимающая его как еще неродившийся плод. Лаборатории Австралии и США проводят успешные

эксперименты с эмбрионами ягненка, выдвигая на первый план терапевтические цели. Впоследствии, по мнению их представителей, искусственные матки могут спасти жизни недоношенных детей на самых ранних сроках. Однако истинные цели формулируются ими уже в терминах ампутации плода: «Наша система, – говорится в передовой статье, – предлагает любопытную экспериментальную модель для решения фундаментальных вопросов о роли матери и плаценты в развитии плода. Мы добились долгосрочного физиологического поддержания жизни плода, ампутированного от матери, что делает возможным изучение сравнительного вклада плаценты в созревание плода» (Климан, 2020: 197). Иными словами, речь идет не о терапии, а о технологической замене женщины в процессе вынашивания ребенка. «Наша система лишает плаценту смысла», – резюмирует специалист из австралийского Фонда исследования женщин и новорожденных (Климан, 2020: 206). На данный момент помимо законодательных ограничений для реализации проекта искусственной матки с человеческими эмбрионами имеются ограничения технического характера, связанные с порогом жизнеспособности плода, отделенного от матери. Однако вектор экспериментов ясно очерчен – переход от частичного эктогенеза к полному, то есть к вынашиванию ребенка от зачатия до родов вне материнской утробы. Так называемый эктогенез сулит новые степени свободы и счастье.

«Наша главная цель – приносить людям радость», – объясняют свое дело именитые доктора-чудотворцы (Климан, 2020: 177). Радость чего? Радость нахождения баланса между семьей и карьерой, когда женщина может себе позволить отложить рождение детей на неопределенный срок – самая пожилая роженица на сегодняшний день стала матерью в 67 лет; радость выбора пола будущего ребенка, ведь у каждого есть свои предпочтения; радость «выбраковки аномальных эмбрионов», ведь, согласно такой логике, никто не хочет рисковать. Радость не предоставлять свое тело, ведь можно обойтись и без этого, если речь идет о суррогатном материнстве или биомешках. Идея репродуктивного равенства реабилитирует запросы не только женщин недетородного возраста и тех, кто нацелен на карьеру, но также мужчин, людей с нетрадиционной ориентацией. Иными словами, на поверхности лежит стремление вывести женщин, мужчин, беременных, представителей ЛГБТ из-под ига социальной и биологической дискриминации, а значит, упразднить природные (половые, возрастные) и социальные различия.

Однако нарочитая коммерциализация взаимосвязей «родители-дети», встраивание их в систему бизнес-планирования и договорных отношений, главным образом, усугубляется более фундаментальной переменной на антропологическом уровне. Речь идет об упразднении страсти путем редукции телесных практик. Между ребенком и родителями устанавливается зона непреодолимого безразличия. Зачать ребенка, выносить его, родить, затем заботиться о нем, вскармливать грудью – это не технический алгоритм, наподобие бухгалтерских операций, которые можно передать на сторону, ведь, главное, в конце концов, выручка. Ребенок – это не «выручка». Не некий потусторонний итог чужого труда, за который мы заплатили. Ребенок – это цепь непрерывных переживаний, проживаемых конкретно и неуловимо, начиная с момента его ожидания. И каждое звено этих переживаний уникально и незаменимо. Кормление материнским молоком – это не физиологический акт, но метафизический. В нем устанавливается довербальная связь, та полнота близости, живым воспоминанием о которой будут дальнейшие отношения с ребенком. Рождение ребенка – это не медицинская процедура, но вхождение человека в мир, момент соединения неба и земли, переживание которого ни с чем не может сравниться в жизни женщины. Человек – не духовная сущность, но живая страсть, реализующая себя посредством конкретного тела. Мы любим не вообще, но всем своим существом. Мы переживаем не абстрактно, но всей своей человеческой тотальностью. Человек – существо переживающее, а не алгоритмическое. Если мы хотим отправить письмо, то мы думаем о ком-то, кто присутствует как отсутствие, мы подбираем слова, способные вместить паузы, мы идем на почту, отправляем конверт и ждем ответа. Вся эта длительность, вмещающая амплитуду состояний человека, включая тактильные, визуальные, обонятельные ощущения, и есть письмо. Сегодня нам предлагают воспользоваться электронными сервисами – дешевыми, надежными, а главное, – молниеносными. Все это, несомненно, так. Но эта нечеловеческая скорость и технологичность изымает самое ценное у человека – переживания. Письмо – это не информация. Письмо – это событие. Апология разрыва

между половым актом и зачатием, биомешки и прочие подобные репродуктивные технологии, равно как и устройства, проводящие их логику в жизнь, как, например, высокотехнологичные люльки для младенцев, имитирующие объятия матери и ритмы ее тела, предлагают отказаться нам от нашего внутреннего опыта. Вместе с «ампутацией плода» мы ампутуем наш внутренний мир.

Разговоры о том, что «главное не родить, а вырастить» и мужчины становятся прекрасными отцами вопреки тому, что не вынашивают детей, – не более, чем демагогия. «Прекрасные отцы» – это свидетельство той же непрерывной цепи конкретных переживаний отношения между отцами и детьми. По фактуре эта конкретика может различаться, но, не рождая сам, мужчина имеет свой уникальный опыт переживания и проживания ожидания ребенка и появления его на свет, в том числе опыт сопереживания женщине. Это переживание не может быть ничем заменено или редуцировано к технической процедуре без того, чтобы оставить в душе человека неустранимое зияние.

Телесные практики редуцируются в виртуальной сфере, в которой протекает наша частная и публичная жизнь в рамках дистанционного образования, дистанционной работы, получения дистанционных услуг, участия в интернет-сообществах. Устанавливаемая дистанция носит не только физический, но вместе с тем метафизический характер. Исчезает опыт взгляда глаза в глаза, то чувство сродного ритма, которое определяет отношения с другим человеком. Невинные эмодзи незаметно уже заменили наш опыт невербального общения. Виртуализация наших практик тотально превращает всякий опыт дословного в знаки, которые обретают самостоятельную от сознания и смысла жизнь. Знаки не переживают, ими оперируют. При помощи знаков мы тщетно хотим пробежать ту бесконечность, которая естественно обживает нас в непосредственном общении. Мы опосредуем наши отношения, убиваем их эмоциональный источник, превращая интимное в обмен портфолио. Как возникает мы? Общее пространство понимания? В культе, ритуале. В коллективном выплавлении единого тела для одного на всех сознания. Устанавливаемое мистериальное родство поддерживает жизнь общины. Община – это не множество наличных индивидов, это такое мы, которое вмещает видимое и невидимое, живших и живущих, грядущих и тех, кто находится в отдалении. Мы – сверхвременная и сверхпространственная категория, и в этом заключается ее жизненность. Она единит множество в перспективе его бесконечности. А потому тот, кто одинок, никогда вместе с тем не одинок, ибо он часть общины, носитель общего сознания. Сети обрекают нас на непреодолимое сиротство, отсекая возможность учреждения непосредственных, единственно жизненных отношений.

Принцип эмоциональной изоляции реализует экологическая повестка дня. Нам предлагают устыдиться своей роли варвара в райском мире. Нас приглашают спасти природу, деревню, мир, планету. Как говорит один современный священник, не нужно спасать природу, нужно спастись самим. Не нужно спасать деревню, в ней надо жить. Спасаясь сами, мы спасаем и мир (Ильин, 2010). Наш естественный природный мир превращается в парки. На законодательном уровне под видом защиты окружающей среды нам ограничивают прямой доступ к водоемам, лесам и их богатствам. Вот этот запрет непосредственного и есть сдерживание прямых связей с природой на эмоциональном уровне. Но мы и сами с удовольствием становимся наблюдателями природы, превращая ее в знаковое пространство, когда предпочитаем деревне город и дачу, прогулке – виртуальные путешествия, созерцанию – разглядывание приторного фотошопа, опыту странствия «туда, сами не зная куда», который открывает природа, – хождение по указателям.

Фундаментальным опытом эмоциональной самоизоляции, то есть изоляции от самих себя, является фармакологический контроль над эмоциями. Их искусственное продуцирование и торможение, что в большей степени распространено сегодня в западном мире. Как свидетельствует Ф. Фукуяма, только по официальной статистике 10 % населения Америки принимает прозак и его аналоги, спасающие от депрессии и повышающие самооценку. Аналогичным образом популярен риталин, сдерживающий гиперактивность (Фукуяма, 2004: 68). Но страсть, или эмоция, – это то, причиной чего является сам человек, а не процессы в организме, производные от внешних детерминант. Человек всегда боялся оказаться марионеткой Бога и внешних сил, но отчего-то научный подход гипнотически снимает этот синдром. Трансгуманист Д. Пирс выдвигает утопию конструируемого при

помощи генной инженерии и наркотиков рая, лишённого страдания. Но страдание – это не боль, не реакция на аффицирование извне, но то, что поджидает каждого в потаённой комнате его «я». Страдание неминуемо сопутствует встрече с самим собой. Это не сигнал организма, который можно попросту заменить информационным оповещением о состоянии здоровья, о чем мечтает Пирс, но весть человечности.

Возрастание степеней свободы

Лейтмотив современных трансгуманистических практик – снятие всех возможных различий, а вместе с этим апология возрастания степеней свободы. Каких различий? Прежде всего, половых, расовых, возрастных, религиозных, репродуктивных, маркирующих здоровье. Сегодня ты не тот, кем родился, равно как и не носитель некоего габитуса, но тот, кем ты себя чувствуешь. Например, ты можешь быть «белым», но чувствовать себя латиноамериканцем. Быть женщиной, но чувствовать мужчиной. Закономерно – быть половозрелым, но объявлять о своем детском самовосприятии. И столь же закономерен обратный тезис об упразднении дискриминации детей – высвобождении их из-под гнета семейного гетеросексуального воспитания, навязывания ролей и ограничений в сексуальных практиках. Как выражается С. Файерстоун, детям нужно позволить иметь «столько генитального секса, сколько смогут вынести» (Аверьянов, Баранов, 2020). В той же логике развиваются программы полового воспитания детей, знакомящие их с различными видами сексуальных практик и гендерных идентичностей.

Дискриминацией объявляется не лишение некоей ценности, но, напротив, всякое посягание на установление линий непреодолимого. Иными словами, сама по себе любая ценность дискриминационна по своей сути, но вовсе не ее недостижимость. Материнство, например, может быть объявлено ущемлением в правах женщин, ибо помещает их в зависимое положение от мужчин. И тут же отсутствие биологических оснований, чтобы стать матерью, – дискриминацией мужского населения. Равно одновременно – различие «мать», «отец» в социальной сфере – дискриминацией детей, которые живут с «родителями», состоящими в однополном браке. У них, к примеру, «два папы», и они, согласно высвобождающей логике, имеют не меньше прав, чем дети из традиционных семей. Во всех трех случаях материнство вовлекается в дискриминационную игру, как в модусе наличной характеристики, так и, обратно, в модусе его невозможности. Но речь не о нарушенной логике проповедников свободы, а о том, что цель здесь одна – представить любые границы принципиально ситуативными и пластичными.

Нам предлагают вчувствоваться в мучение тех, кто лишен опыта материнства, способное вызвать поистине сострадательный отклик в душе, если не знать, что исповедь принадлежит трансгендеру: «моя абсолютная печаль, моя абсолютная боль – невозможность стать матерью», – говорит один из них (Климан, 2020: 225) и жалуется на отсутствие «полноценного жизненного опыта»: «На данный момент, – продолжает он, – быть трансом – значит жить где-то на 60-70 % и мириться с большой утратой» (Климан, 2020: 229). На резонный вопрос собеседника, не стоит ли попробовать испытать себя в качестве отца, мужчина ожидаемо отвечает, что это даже не приходило ему в голову. Почему не приходило в голову? Потому что то, что названо утратой, не что иное, как требование признать в качестве права любое возможное желание. Проблема здесь кроется не в безудержности научных инициатив, пытающихся производить половые клетки из клеток кожи, что сулит установление гендерного равноправия и не зависимости деторождения от гетеросексуального акта, равно как и не в страдании конкретных людей по тому или иному поводу, а в пропагандируемой идеологии, суть которой сводится к тому, чтобы лишить человеческий мир оснований. Тезис о новых степенях свободы и обслуживающая его идея всеобщего комфорта, удовольствия, равноправия, свободы и счастья – нехитрый эвфемизм, скрывающий идею принципиально подвижной идентичности, человека без оснований. Вводя гендерно-нейтральный язык (в том числе по отношению к Богу), заменяя мать и отца «родителем №1» и «родителем №2», рекламируя «каминг-аут» представителей меньшинств, поощряя миграционные потоки и космополитическое мировоззрение, иными словами, лишая человека половой, национальной, возрастной, сексуальной, религиозной идентичностей, мы вместе с тем лишаем его тех антропологических скреп, которыми оформляется и удерживается сознание. Ибо все эти различия по сути своей, прежде всего,

не социальные и биологические параметры, но антропологические, то есть работающие на уровне субъективности человека. Сознание – это всегда учреждение линий непреодолимого, абсолютных межей, являющихся внутренней неприродной опорой человека. Способом собой овладеть. Удерживая себя в различиях, человек удерживает себя в сознании. Проповедь тотальной эмансипации человека от природы, нравственности и других способов учредить внутренние табу – не что иное, как проповедь смерти человека, угасания его сознания, встраивание в потоки хаотических состояний, в которых он не принадлежит себе.

Освобождение от тела

Известная еще с античности идея Платона о том, что тело – темница души, определившая католическую традицию, в отличие от православия, для которого душа и тело представляют неразрывное единство, не имеет никакого отношения к трансгуманистической максиме об освобождении человека от оков «биологического носителя», на чем построены проекты кибернетического бессмертия, создания цифровых двойников, передачи мысли на расстоянии. Экстропианец Н. Бостром предлагает нам выскользнуть из ловушки углеродной формы жизни в ходе эволюционного совершенствования, сингулярианец Р. Курцвейл проповедует слияние человека с искусственным интеллектом, апогеем которого станет превращение людей в полностью небиологических существ. Компания Microsoft успела запатентовать технологию создания чат-ботов на основе оцифровки данных умерших людей – их голоса, текстовых сообщений, информации из профилей, фотографий и проч. И. Маск грезит о чипах, которые позволят редуцировать вербальную коммуникацию и напрямую передавать друг другу мысли. Трансгуманисты нам обещают цифровую вечность, телепатическое общение, дистанционное управление состояниями человека (разумеется, ради его блага) посредством оптогенетики и других подобных технологий, оказывающий воздействие на мозг и способных, к примеру, вылечить от депрессии, восстановить утраченные из-за болезни навыки и проч.

Почему подобные трансгуманистические обещания, явно коррелирующие с доминирующей точкой зрения в современных дискуссиях об ИИ, не имеют отношения к античной максиме? Потому что они зиждутся на допущении о тождестве человека и его мозга, сознания и активности нейронов, мышления и физиологических сигналов, общения и передачи информации. Проблема состоит не в статусе тела как такового, от которого нас хотят избавить, а в статусе человека. Что именно мы собираемся переносить на небиологический носитель? Что мы подразумеваем под мыслью, когда говорим о ее неречевой трансляции? Мысль – это фундаментальный опыт различания, который случается с некоторыми из нас однажды. Этих некоторых мы хорошо знаем, ибо их не так много было за всю историю человечества. Сознание – это то, в чем мы иногда пребываем, когда обращаемся к себе, к своему внутреннему человеку. Трансгуманизм редуцирует человека к потоку алгоритмизуемой информации и именно ее тщится освободить от тленного тела. Но сознание – это не то, из чего аккумулируется big data, а мысль – это не сигнал о состоянии тела, который можно оцифровать в код. Мы можем связать компьютер и мозг, но это не даст нам доступа к мысли, ибо ни у компьютера, ни у мозга мыслей нет. Как говорил С. Булгаков, мы можем сколь угодно точно изучить работу телеграфных проводов и столбов, но мы ничего не поймем в «сообщениях». То есть в сознании. Чтение мыслей – вовсе не утопический проект будущего, но та реальность, что извечно сопровождает человечество в истории. Она не требует хитрых устройств вроде «электронных кружев». Когда, к примеру, Левин объясняется с Китти при помощи первых букв слов, то он не сообщает ей какой-то новый неведомый смысл, но обнаруживает то, что они оба и так знают. Суть этой сцены из романа «Анна Каренина» состоит в том, что Левин в этот момент обнаруживает решимость явить очевидное в качестве очевидного, то есть сделать предложение возлюбленной. Мы знаем что-то о человеке не потому, что он нам сказал об этом, но потому, что мы пребываем с ним в общем пространстве понимания. В предельном смысле это пространство – культ. Но равно семья или общий ритуал, предполагающий общие правила и общие табу. И вместе с тем мы можем быть как никогда рядом, но обнаруживать не пробегаемую пропасть, даже если у нас общий язык, страна, смартфоны с доступом в интернет и, по всей видимости, в скором времени – устройства наподобие чипов для «чтения мыслей». У мысли нет эквивалентов. Можно причаститься мысли,

пребывать в ней, находить в ней соседство с кем-то, кто в ней уже бывал. Сделать ее своей, ибо не бывает чужих мыслей. Мысль – это всегда твоя мысль, даже если это мысль Гегеля. Но чтение Гегеля возможно только тогда, когда его мысли делаются твоими.

Мысль – это пространство предельной свободы человека, такой явной для людей, покуда мы люди, и такой эфемерной, покуда мы пытаемся ее объективировать. А потому страх чипизации не столько преувеличен, сколько движем той же трансгуманистической установкой, которую он отвергает. Наше тело может быть предметом экспериментов, манипуляций, быть может, попросту чужих ошибок или преступлений. Но, как известно, можно быть свободным и на кресте. Сила слова как вестника сознания такова, что способна отменять непосредственные реакции организма. Начиная от свидетельств покаянной молитвы, способной излечить тело, и заканчивая результатами научных экспериментов, доказывающих, что слово может воздействовать на изменение состава крови и в целом биохимические процессы в организме (Поршневу, 1974: 169-170). Не мозг определяет работу сознания, но, напротив, сознание определяет работу организма, заставляя его с собой сообразовываться.

Литература

Аверьянов, Баранов, 2020 – Аверьянов В., Баранов С. Трансчеловек против человека. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/20212>

Ильин, 2010 – Ильин И. Беседа с протоиереем Виктором Салтыковым (Ивановская епархия). «Мы попытались в фильме дать образ русской православной деревни». 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/34436.html>

Климан, 2020 – Климан Дж. Секс без людей, мясо без животных. Кто проектирует мир будущего. М.: Индивидуум. 2020. 336 с.

Поршневу, 1974 – Поршневу В. О начале человеческой истории. М.: Мысль. 1974. 487 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «Люкс». 2004. 349 с.

References

Aver'yanov, Baranov, 2020 – Aver'yanov, V., Baranov, S. (2020). Transchelovek protiv cheloveka [Transhuman versus human]. [Electronic resource]. URL: <https://izborsk-club.ru/20212> [in Russian]

Fukuyama, 2004 – Fukuyama, F. (2004). Nashe postchelovechesкое budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST»; ОАО «Lyuks». 349 p. [in Russian]

Ilin, 2010 – Ilin I. (2010). Beseda s protoiereem Viktorom Saltykovym (Ivanovskaya eparhiya). «My popytalis' v fil'me dat' obraz russkoj pravoslavnoj derevni» [Conversation with Archpriest Viktor Saltykov (Ivanovo diocese). “We tried to portray a Russian Orthodox village in the film.”]. [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/34436.html> [in Russian]

Kliman, 2020 – Kliman, Dzh. (2020). Seks bez lyudej, myaso bez zhivotnyh. Kto proektiruet mir budushchego [Sex without people, meat without animals. Who designs the world of the future]. М.: Individuum. 336 p. [in Russian]

Porshnev, 1974 – Porshnev, B. (1974). O nachale chelovecheskoj istorii [About the beginning of human history]. М.: Mysl'. 487 p. [in Russian]

Философская критика идей трансгуманизма

Наталья Николаевна Ростова^{a, *}

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)

Аннотация. В статье исследуются философские основания ключевых идей трансгуманизма. Согласно автору, трансгуманизм строится на фундаментальном заблуждении, которое обнаруживается в тезисе о преодолении человека и расширении его способностей. Как показывается в статье, этот тезис предполагает использование предметного языка для описания человека. Прибегая к нему, трансгуманизм имеет дело с нечеловеческим в человеке, что определяет все разнообразие его частных инициатив. В статье предложено выделить три базовые идеи, к которым сводится это многообразие, а именно: идеи эмоциональной изоляции, возрастания степеней свободы и освобождения человека от тела. Исследование условно делится на три части, каждая из которых посвящена детальному анализу обозначенных идей. Обращаясь к стратегии эмоциональной изоляции, автор приходит к выводу, что трансгуманизм претендует на устранение возможностей установления непосредственных эмоциональных связей в нашем мире, которые лежат в основании всякого действия, которое мы называем человеческим. Инструментами такой изоляции являются технологии, законодательные акты, но, главным образом, перемена режима нашего восприятия себя, когда мы соглашаемся отдать на аутсорсинг то, что составляет суть человеческого. Анализируя идею возрастания степеней свободы, выдвигаемую трансгуманизмом, автор показывает, что в ее основе лежит отказ от антропологических оснований, которыми человек удерживает себя в сознании. Исследуя проекты по освобождению человека от ограничений тела, автор показывает, что в основе их лежит редукционистское понимание сознания, мышления и общения. Человек сводится к алгоритмизуемой информации.

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, искусственный интеллект, сознание, мышление, эмоция, страсть, гендер, свобода, человек.